

Dignitatis Humanae и права человека в философской и правовой экзистенции и в современном конституционализме: разделение и воссоединение*

И. А. Кравец

Новосибирский государственный университет,
Российская Федерация, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Для цитирования: *Кравец И. А. Dignitatis Humanae и права человека в философской и правовой экзистенции и в современном конституционализме: разделение и воссоединение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 445–461. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.304>*

В статье анализируется концепт «человеческое достоинство» в контексте философской и правовой экзистенции, достоинство рассматривается как многозначное понятие с притязанием на всеобщую ценность в качестве универсальной правовой и этической категории. Рассматриваются взгляды современных философов и юристов на природу и роль достоинства по отношению к правам человека. Целью исследования стали раскрытие философских подходов и правовых идей в сфере человеческого достоинства, анализ теоретических основ для продуктивного диалога между человеческим достоинством и правами человека в современных научных дискуссиях и социальной практике. Многозначность и полиморфизм человеческого достоинства сочетаются с богатством концепций достоинства, особенно в современной конституционной юриспруденции и практике конституционализма, и едиными теоретическими основами взаимоотношений достоинства личности и прав человека. Использованы методы диалектики, индуктивно-дедуктивный анализ, методы правовой герменевтики и правовой инженерии на основе дискурсивного подхода, критический рационализм и правовой реализм. Выводы: достоинство как философская и правовая категория в условиях современности имеет несколько наиболее важных ипостасей, отражающих фундаментальное категориальное значение: это а) категория этики и гуманистического понимания человека; б) правовая категория со значительным разнообразием юридических форм закрепления на международном, наднациональном и внутригосударственном уровнях, в отраслях правового регулирования; в) исторически изменяющаяся категория, затрагивающая как вопросы эволюции этики, так и права, правового статуса лиц. Четыре концепции достоинства идентифицируют формы сосуществования достоинства и прав человека: достоинство как дар и наследие; достоинство как социальное достижение и социальная честь, достоинство как человеческие способности, достоинство как человеческий потенциал.

Ключевые слова: *Dignitatis Humanae*, человеческое достоинство, права человека, правовая экзистенция, этика достоинства, высшая ценность, всеобщая ценность, основание прав человека, полиморфизм, конституционализация достоинства, целостность.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Человеческое достоинство и сферы правовой и гуманитарной экзистенции (Р. Дворкин, Дж. Уолдрон, С. Бенхабиб и преодоление ценностного разрыва)

Термин *Dignitatis Humanae* указывает на латинские корни, хотя в современной дискуссии используется в различных контекстах (историческом, философском, правовом, биоэтическом). Многообразие подходов отражено в международных исследованиях [1]. Понятие человеческого достоинства многозначно и многолико, оно символизирует неуывающую жизненную силу, богоподобие природы человека; оно связано с возможностями и способностями человека самовыражаться, творить и создавать, реализуя потребности и интересы и в личной, и в общественной сфере. Можно ли признавать за ним статус *всеобщей ценности и универсальной правовой и этической категории*? Или, как можно полагать, это понятие, рожденное в античную эпоху как римское *dignitas*, переосмысленное в эпоху Возрождения как человеческое достоинство — божественный дар и христианская ценность, не является универсальным, а имеет территориальное и религиозное происхождение и гуманитарную ценность для ограниченного круга представителей человеческого рода [2, с. 36]? Может ли человеческое достоинство выступать как основа для группировки и взаимосвязи ценностей, которые доминируют в обществе? Вторая половина XX в. показала, что дискуссии о человеческих способностях и возможностях, о границах человеческой природы, о воздействии на нее новых технологий (как и другие области) не обходятся без человеческого достоинства. Достоинство охватывает различные периоды человеческой деятельности и занимает уникальный философский, публично-правовой и экзистенциальный статус [3, с. 60]. Закономерны вопросы о достойной жизни, о достойной старости, о достойной смерти.

Рональд Дворкин (Ronald Dworkin) в своей поздней работе «Справедливость для ежей» утверждал, что концепция достоинства принижена из-за чрезмерного злоупотребления политической риторикой, однако само достоинство (как и родственная идея самоуважения) представляет собой основную ценность, которую общество должно продвигать. По мнению философа, «достоинство и самоуважение — что бы они ни значили — неотъемлемые условия хорошей жизни» [4, р. 13–14]. Р. Дворкин использует понятие *living well*, которое может переводиться и как «достойная жизнь» (основанная на соблюдении и обеспечении достоинства в течение всех этапов жизненного пути), и как «хорошая жизнь». Р. Дворкин утверждает, что люди «должны найти ценность жизни — смысл жизни — в достойной жизни» (*living well*), она должна цениться подобно тому, как ценятся «любовь, рисование, письмо, пение или ныряние». «В нашей жизни, — пишет он, — нет другой непреходящей ценности или смысла, но этой ценности и смысла достаточно» [4, р. 13]. Основанная на достоинстве жизнь требует значительных личных и публичных усилий, особенно в сфере публичной политики для поддержания и обеспечения достоинства в течение «четырех возрастов», а может быть и шире, начиная с заботы об эмбрионе, рождения ребенка и заканчивая смертью человека и сохранением памяти о нем. Следовательно, принцип достойной жизни не может ограничиваться традиционным толкованием в качестве альтернативной концепции развития, которая во главу угла государственной политики ставит благополучие людей. Достойная жизнь требует охвата и четырех возрастов человека, и статуса эмбриона,

и памяти о человеке. Переосмысляя И. Канта, Р. Дворкин пытается «спасти» решающее прозрение кенигсбергского философа от его же метафизики и формулирует «принцип Канта»: человек может достичь достоинства и самоуважения, необходимых для успешной жизни, только если он проявляет уважение к самому человечеству во всех его формах [4, p. 19].

Другой американский философ права и политики, Джереми Уолдрон (Jeremy Waldron), в книге «Достоинство, ранг и права» отмечает метатеоретический характер использования языка достоинства; он утверждает, что понятие человеческого достоинства возникло в результате демократизации высокого социального статуса, когда-то закреплённого за благородными [5; 6]. По его мнению, слово «достоинство» вносит особый вклад в дискурс о правах человека, который связан парадоксальным образом с идеей ранга и статуса. Когда-то «достоинство» ассоциировалось с «иерархической дифференциацией ранга и статуса», теперь оно выражает идею, что «все люди принадлежат к одному и тому же рангу, и этот ранг действительно очень высокий», во многих отношениях он подобен рангу родовой знати. Способы использования достоинства не всегда позволяют раскрыть его эвристический потенциал. По мнению Дж. Уолдрона, проверка достоинства иногда является просто прелюдией к отстаиванию определенного права или конкретного подхода к правам (например, социально-экономическим правам) [5, p. 201–202]. Если «достоинство» означает ранг (как утверждает Дж. Уолдрон), то мы получаем выгоду от длительного постепенного процесса, который он называет «повышением уровня». По его словам, все больше и больше людей рассматриваются как люди с высоким статусом, заслуживающие того общественного уважения, которым раньше пользовались только торжественно помазанные люди. В эпоху прав человека каждый может стать королем, по крайней мере на бумаге или в суде, где утверждения о том, что человеческое достоинство не подлежит обсуждению, за последние несколько лет приобрели заметную популярность [5; 6]. Достоинство имеет экзистенциальную, жизненную силу; в нем человек черпает уверенность и стремление реализовать себя. Достоинство несомненно является личным и общественным благом, и, по мнению исследователей, оно «хорошо для человеческого состояния» и является «частью нашей моральной ДНК» [7, p. VIII].

В контексте философского и правового осмысления роли человеческого достоинства ученые признают за ним центральное место в этической дискуссии, характер высшей конституционной ценности, интегрирующую роль по отношению или к базовому, или к всеобъемлющему спектру прав человека. Одни полагают, что достоинство выполняет экспрессивную функцию по отношению к правам человека, а в правовом идеале достоинства заключена экспрессивная норма, поэтому любой акт неуважения к чьему-либо достоинству имеет коррелирующую связь со значением, которое выражает такой акт; последствия или любой другой атрибут акта неуважения не так важны [8, p. 1, 3–4]. Другие отмечают, что достоинство обладает значительной политической, этической, интеллектуальной и, возможно, в итоге риторической силой [9, p. 108]. А это, несомненно, качество великих идей. Впрочем, риторическое преимущество, которое передает достоинство, связанное с каким-либо правом или перечнем прав, может отвлекать от понимания и значения самого термина, его юридический анализ в этом случае может отсутствовать. Хотя достоинство используется в широком спектре дискуссий, в том числе о справедливости

и правах человека, биоэтике и трансгуманизме, государственном принуждении и правозащитном внутригосударственном и международно-правовом механизме, всё же ключевое место и наиболее значимую связь достоинство обнаруживает по отношению к правам человека. Философские и правовые взаимосвязи достоинства и прав человека зависят и от нашего способа мышления, от концепций, которыми объясняются эти понятия, но в такой же степени и от факторов интернационализации, глобализации концептов «достоинство» и «права человека». Существуют две важные точки зрения на проблему влияния факторов интернационализации и глобализации: 1) одна точка зрения утверждает, что прямые связи между достоинством и правами человека, которые могли существовать на внутригосударственном уровне, давно разорваны благодаря факторам интернационализации и глобализации; 2) другая позиция исходит из представления об их отдельном существовании в течение длительного времени на внутригосударственном уровне и только благодаря факторам интернационализации и глобализации прежде всего таких концептов, как права человека, а потом и достоинства, начался неумолимый, хотя и неустойчивый с точки зрения всеобщего признания процесс движения этих концептов навстречу друг другу.

Права человека и человеческое достоинство без государства, но с правовыми гарантиями и средствами защиты возможны в условиях процессов интеграции и глобализации или это юридическая, в какой-то степени и безгосударственная утопия? Международный правозащитный механизм содействует пролиферации человеческого достоинства. В современных исследованиях, как отмечают различные авторы, например Саманта Бессон (Samantha Besson), права человека и демократия рассматриваются как взаимодополняющая пара [10, p. 19]; классический либерализм и современный конституционализм рассматривают отношения между демократией и правами человека как наиболее классические вопросы политической теории и теории права, по мысли Юргена Хабермаса (Jürgen Habermas) [11, p. 12]. Подобно тому, как демократия корреспондирует в классической либеральной мысли правам человека, конституционализм в определенных отношениях противостоит демократии, между этими явлениями выстраивается сложный каскад отношений, в результате которых могут сформироваться или эффективная конституционная демократия, или различные конституционные парадоксы и в том числе конституционный популизм или неограниченное (даже деспотическое) народоправство. Как писал Рональд Дворкин, конституционализм предполагает такой порядок вещей, при котором доминирующий законодательный орган на общенациональном уровне не вправе принимать любой закон или закон, который он хочет, без каких-либо ограничений [12]. Человеческое достоинство становится краеугольным принципом современного конституционализма, особенно в вопросах балансирования и обеспечения прав на неприкосновенность, защиту от пыток и бесчеловечного обращения, но и для социальных и культурных прав достоинство становится индикативным показателем (например, оно должно учитываться при выработке стандарта социального благополучия или социального обслуживания населения); в вопросах новых биотехнологий достоинство рассматривается как универсальное основание для генетического равноправия человека (и человечества).

Сейла Бенхабиб (Seyla Benhabib) участвует в дебатах о появлении космополитических норм, касающихся всеобщих прав человека, преступлений против чело-

вечности, а также статусов беженца, иммигранта и убежища. То, что одни считают распространением нового режима прав человека и нового мирового порядка, другие осуждают как «распространение империи» или характеризуют как «право без государства». Разграничивая процесс пролиферации норм в области прав человека в глобальном масштабе и появление «детерриториализированных» правовых режимов, она считает, что и космополитические нормы, и «детерриториализированное» право бросают вызов национальному государству и угрожают вырваться из-под контроля демократических законодательных органов [13, р. 19]. Вместе с тем она утверждает, что космополитические нормы усиливают народный суверенитет, в то время как многие другие формы глобального права подрывают его. В заключение она отстаивает концепцию «республиканского федерализма» и «демократических итераций», которые укрепили бы народный суверенитет за счет установления взаимосвязей на местном, национальном и глобальном уровнях.

Достоинство человека как концепт фигурирует в различных дискуссиях и затрагивает многообразные сферы человеческой деятельности. Категория «достоинство» в условиях современности имеет несколько наиболее важных ипостасей, отражающих фундаментальное категориальное значение: это а) категория этики и гуманистического понимания человека; б) правовая категория со значительным разнообразием юридических форм закрепления на международном, наднациональном и внутригосударственном уровнях, в отраслях правового регулирования; в) исторически изменчивая категория, затрагивающая как вопросы эволюции этики, так и права, правового статуса лиц.

Когда философы говорят о достоинстве, они подразумевают в первую очередь этическую категорию, наряду с такими понятиями, как «честь», «добродетель», «благородство» и т. п. В аксиологическом смысле достоинство означает очень значимую и, по мнению некоторых, даже *высшую ценность*; такая ценность объективирована, имеет абсолютный характер и для человека зачастую выступает мерилом его признания в обществе. Аузел Томас Колнаи (Aurel Thomas Kolnai) видел «особенный» «абсолютный» смысл ценности достоинства и считал, что достоинство — это моральная добродетель или, скорее, сжатое проявление «быть добродетельным человеком» [14, р. 251–252, 269]. С одной стороны, широта использования понятия человеческого достоинства вряд ли оспорима, этот феномен представляет интерес для многих дисциплин, которые связаны с человеческой деятельностью, гуманитарными и социальными науками: 1) дисциплин юридического характера (для внутригосударственного права), охватывающих права человека, нематериальные блага в цивилистическом цикле, правовой статус личности как в целом, так и в своем конституционно-правовом ядре; 2) дисциплин в сфере международной политики и международно-правового характера, связанных с изучением и применением норм универсального или регионального характера в области прав человека; 3) дисциплин, отражающих развитие человеческого потенциала и совершенствование природы человека (трансгуманизм); 4) дисциплин в области биоэтики, биомедицины, соматических и репродуктивных прав и репродуктивных технологий; 5) дисциплин, связанных со здоровьем, здравоохранением, в том числе заботой об инвалидах, пожилых людях и лицах с психическими отклонениями и деменцией.

С другой стороны, существуют явные и скрытые опасности для гуманизма и достоинства человека (технологические революции, трансгуманизм и др.). В ус-

ловиях политико-правовой неопределенности, когда исследователи заявляют о «демократической рецессии», о захлебнувшейся «третьей волне демократизации», о всплеске «конституционного популизма» и шестивии «глобального авторитаризма», которые делают призрачными и невзрачными идеалы «глобализации прав человека» и «глобального конституционализма», концепт человеческого достоинства по-прежнему остается «островком человечности» и идеалом конституционной и международной юриспруденции, темой для философских дискуссий и сомнительным предметом для планов трансгуманизма. Поэтому важным посылом для обсуждения экзистенциальных и правовых форм человеческого достоинства в современном мире становятся сомнения в том, насколько «праздным» и «уместным» является концепт «человеческое достоинство». В данной статье обосновывается не праздный, а уместный статус понятия «человеческое достоинство» в отношениях сосуществования с правами человека.

Методологические вопросы выявления нарушений достоинства личности

Для некоторых свет, который проливает человеческое достоинство, не является светом понимания судебной системы и нормативного прогресса, скорее это «сомнительное, фосфоресцирующее, соблазнительное сияние легального блуждающего огонька, сбивающего с пути в опасное болото скрытых идеологий, ложного эссенциализма, скрытой силы и самоправедной культурной и религиозной ограниченности, предательски украшенной в великолепную мантию универсализма» [15, р. 371–373]. Выявлять нарушения достоинства и прав человека, связывать их неразрывной цепью аргументации, обосновывать достоинство связью с правами человека и права человека происхождением от достоинства — процесс, требующий применения определенной индуктивной и дедуктивной логики.

В научной литературе обсуждается проблема выявления нарушений человеческого достоинства с позиций критического разбора возможностей и последствий применения индуктивного анализа, особенно в контексте анализа нарушений человеческого достоинства как индуктивной стратегии для развития концепта человеческого достоинства [16, р. 216–218]. На наш взгляд, проблему следует рассматривать более широко: как проблему соотношения индукции и дедукции в понимании как природы и формирования понятия, так и нарушений человеческого достоинства. Концептуализация человеческого достоинства будет более плодотворной, если методы дедукции и индукции будут участвовать как стратегия анализа проблемы формирования и реализации, обеспечения и защиты достоинства личности.

Представляется важным учитывать результаты конкуренции двух методологических подходов: *индуктивного анализа нарушений человеческого достоинства* и *научной концептуализации достоинства человека* для различных сфер практической востребованности и формирования объяснительных ролей. С одной стороны, можно констатировать *положительный эффект* конкуренции между *индуктивным анализом*, направленным на выявление в практике (судебной, административной, государственно-правовой) нарушений человеческого достоинства во взаимосвязи с правами человека, и *концептуализацией достоинства*, когда разработка различных концептов и концепций человеческого достоинства стремится обосновать

роль и объяснить сферы востребованности данной категории, дать оценку их применимости к различным сферам государственной политики и юридической практики, где используются (в судебных делах) положения законодательства и иных норм о достоинстве человеческой личности (внутреннего или международного). С другой стороны, требует более ясного понимания взаимосвязь между концептуальным уровнем и индуктивным подходом к анализу нарушений человеческого достоинства. Как отмечает Маркус Дювэль (Marcus Düwell), анализ «нарушений человеческого достоинства» изначально предполагает, что на большинство концептуальных вопросов дан ответ. По мнению ученого, если человеческое достоинство должно стать принципом для основ прав человека, то маловероятно, что анализ нарушений станет подходящим способом для концептуального разъяснения [16, р. 228–229]. Выход из ситуации возможен на основе *конкурирующего баланса*, когда разработка различных концепций достоинства, особенно их юридическое воплощение, верифицируется в ходе практики их применения в различных делах, которые связаны со случаями нарушений или защиты человеческого достоинства. В такой же степени конкретные случаи нарушений в сложных делах могут приводить к эффекту продуцирования новых элементов имеющихся концепций или созданию новых юридических концепций человеческого достоинства. Конкурирующий баланс предполагает *открытый для новаций рационализм* и одновременно *критическое восприятие практики* применения норм о достоинстве личности и о правах человека, когда они взаимосвязаны.

Дедукция и индукция играют логико-методологическую роль в концептуализации человеческого достоинства на обширном исследовательском материале. Только комбинируя индукцию и дедукцию, можно и комплексно выявлять конкретные случаи нарушения человеческого достоинства, и вносить вклад в развитие концепции достоинства. В принципе исследователь уже должен обладать сложившейся теорией достоинства, чтобы применять этот концептуальный уровень к конкретным случаям (делам), связанным с нарушением или умалением достоинства. Как быть, если общепринятой концепции человеческого достоинства нет? Очевидно, в юридических вопросах должны применяться специально созданные концепции достоинства; суды в ходе применения правовых норм о достоинстве не могут руководствоваться общими этическими, экзистенциальными или ценностными аспектами человеческого достоинства, хотя такие аспекты могут влиять на формирование конституционных и правовых концепций достоинства или служить моральным оправданием для суждений судей и выносимых ими решений. По-видимому, можно говорить о существовании двух подходов: 1) дедуктивно-индуктивного подхода; 2) индуктивно-дедуктивного подхода. Баланс между двумя подходами может быть найден в различных сегментах юридической практики по сложным вопросам применения положений конституции и законодательства о достоинстве. Помимо этого, юридические стандарты защиты человеческого достоинства включают как эксплицитные, так и имплицитные правила и стандарты [17, р. 200], сочетающие правовые и моральные, культурные ценности конкретного общества.

Удивительным образом *целостность человеческого достоинства* связывает воедино и богатство способностей и возможностей отдельного человека в человеческой среде в личном и общественном проявлении (как представителя вида в целом), и отношение человеческого рода с иными видами живых существ на нашей

планете (соотношение достоинство человека — достоинство живого существа). Достоинством обладает личность, которая имеет психологические способности, возможности совершать разумные действия и отвечать за них. Конечно, это не означает, что человек утрачивает достоинство, если ограничивается его дееспособность или он признается недееспособным, однако очевидно и другое: в состоянии ограниченных психологических способностей существуют не только ограниченные права и ответственность, полнота и цельность достоинства в этом случае также страдает. Тем не менее в научной литературе сторонников полной дееспособности и полного достоинства достаточно много, и сама категория «достоинство» имплицитно содержит стремление человека к самовыражению и автономии для реализации своих способностей и возможностей.

Dignitatis Humanae: **концепции и философско-правовая экзистенция**

Современный конституционализм в сотрудничестве с доктриной и юриспруденцией прав человека основывается на четырех базовых концептуальных взглядах на человеческое достоинство.

1. *Насколько оправданно видеть в достоинстве дар или переданное человеку наследие? Достоинство как дар и наследие* имеет наиболее широкий круг приверженцев. На данную концепцию оказывают влияние идеи трансгуманизма и улучшения человеческой природы. Она выстраивает свое обоснование теперь, опираясь не только на теологические, христианские корни, но и на генетику, генетическое равноправие людей. Данная доктрина очень близка всему христианскому миру, но в особенности западному христианству, так как питается источниками теологического и гуманистического характера одновременно. Теологические и метафизические концепции достоинства сходятся в том, что человек в силу самого факта принадлежности к человеческому роду обладает этим качеством, делающим его таким особенным в сравнении с представителями других видов на земле [18, с. 101]. По мнению представителей этого подхода Патрика Ли (Patrick Lee) и Роберта П. Джорджа (Robert P. George), все люди, независимо от возраста, стадии своего развития или немедленно реализуемых способностей, имеют «одинаковое фундаментальное достоинство» [19, р. 409]. Отмеченный подход питается взглядами сторонников естественных прав человека и естественного права (Т. Пейн (Thomas Paine), Дж. Финнис (John Finnis)) о врожденном характере достоинства человека. Человек обладает достоинством с самого начала человеческой жизни, и этот дар уже заложен в человеческом эмбрионе, который, однако, может и не проявиться, если зародыш не родится. Поэтому охрана человеческого эмбриона с правовой точки зрения необходима; право и государство обеспечивают медицинское и правовое сопровождение эмбриона, пока он не появится на свет. Основная проблема достоинства как дара именно в том, что остается нерешенным вопрос, как нужно подходить к классификации периодов жизни человека (детство, юность, зрелость, старость). Если мы придерживаемся последовательно концепции дара, то должны отвергать всякую возможность дифференциации достоинства и средств его обеспечения в различные периоды жизни человека. Однако с конституционно-правовой и экзистенциальной точек зрения наше отношение к эмбриону очевидно не

может быть таким же, как отношение к ребенку, пожилому человеку или лицу, впавшему в деменцию. В течение жизненного пути происходит социальное развертывание достоинства человека, поэтому на разных этапах человеческой жизни достоинство требует различных гарантий реализации (конституционных, правовых и государственных).

Таким образом, достоинство «как своего рода дар или приданое — естественный дар, на который может рассчитывать даже человеческий эмбрион» [20, с. 34], не есть «вещь в себе», которая лежит в человеке «мертвым грузом». Человеческое достоинство — это дар, который требует постоянного и всемерного развития через способности и возможности человека, которые, в свою очередь, питаются жизненными условиями. Конституционное право может оперировать концепцией «достоинство как дар» в том смысле, что правомочия индивида и его правоспособность возникают с момента рождения, и развитие этого дара зависит от тех условий, которые предоставляются ребенку его родителями, учебными и иными учреждениями для саморазвития и самореализации. В этом целевое предназначение концепции достоинства как дара. *Ядро достоинства как дара* уже присутствует в человеческом эмбрионе; хотя эмбрион не может само-уважать себя или требовать этого от других своими деяниями, в отношении него исполнима другая сторона достоинства, а именно уважение к человеческому эмбриону со стороны других живущих лиц, государства и общества. Могут быть представлены различные аргументы в пользу достоинства как дара и наследия: теологический, метафизический, антропологический или биологический. Все они «работают» в согласии с основной мыслью, что каждый человек обладает достоинством с самого начала и в силу бытия в качестве человека. Исследователи могут неодинаково определять момент «самого начала», но следует учитывать, что *человеческий эмбрион уже одарен ядром достоинства* [20, с. 34].

2. *Степень общественного признания человека проявляется через достоинство, которое рассматривается в качестве социального достижения или социальной чести. Достоинство как достижение имеет меритократические черты;* иными словами, меритократическая концепция достоинства включает индикаторы социальных достижений. В этом случае достоинство выступает определенным образом понятой «социальной честью» (как утверждает Ю. Хабермас) [21, р. 472], которая имеет важный статус, полагающийся за определенные заслуги. Существует некоторая правовая и экзистенциальная опасность данного подхода: *дифференцирующие различия социальных достижений и определенное ранжирование* становятся проявлением имманентной ценности общественного признания достоинства человека (как результат его многообразной деятельности). Достоинство как достижение в историческом плане отсылает нас к иерархическим обществам и римскому понятию *dignitas*; заслуги и должности определяли высокий статус лица и признание их государством. Достоинство в этом смысле все еще остается внешним социальным выражением чести; и в истории философской мысли понятия «честь» и «достоинство» часто смешивались или разводились эти понятия, но, что важнее всего, они были двумя сторонами одной медали: внутренним (честь) и внешним (достоинство) выражением социального, родового, сословного признания человеческих достижений (или по праву крови, или по праву своих способностей) [18, с. 102]. С точки зрения конституционных прав достоинство как достижение приводит нас

к пониманию значительной дифференциации конституционного и правового статуса различных групп индивидов, нередко — к установлению на конституционном и законодательном уровне специфики статуса отдельных категорий лиц (судей, президентов, других публичных должностных лиц с особой охраной достоинства).

3. *Достоинство может рассматриваться в качестве источника для человеческих способностей и возможностей, которые реализуются в жизни человека.* Сторонники доктрины человеческого достоинства как способностей и возможностей (например, Марта Нуссбаум (Martha Nussbaum)) стремятся раскрыть взаимосвязь между правами человека, способностями и возможностями конкретного индивида и условиями их реализации. Такой подход связывает человеческое достоинство со справедливостью общественного устройства и утверждает, что «сами общества справедливы в той мере, в какой они гарантируют каждому гражданину право на его или ее основные возможности и способности». Подход к пониманию достоинства как возможностей человека нередко критикуется в литературе [22]. В рамках данного подхода существует два различия в понимании достоинства. Первое различие говорит нам о том, что каждый человек обладает различными способностями от природы и в силу своих знаний, умений и навыков (к тому же физические или умственные недостатки в различные периоды жизни человека могут препятствовать полноценному развертыванию достоинства как способностей). Поэтому не все люди, а только люди с особыми свойствами или способностями могут иметь достоинство. Очевидно, такой подход должен исходить из признания за человеком права на развитие своих способностей и, следовательно, на развитие в полной мере своего достоинства, если признавать изначальную неполноту способностей у зародыша или ребенка. Второе различие показывает (и отстаивает) эгалитарный универсализм достоинства. Доктрина конституционализма и юриспруденция прав человека ориентируются на данный подход; более того, они требуют, чтобы конституционные и государственно-правовые гарантии обеспечения достоинства и условий жизни лица были тем интенсивнее, чем в большей степени лицо нуждается в них из-за физических, социальных или ментальных особенностей (способности инвалида, лица, страдающего деменцией, требуют большей заботы и более внимательного гарантирования) [20, с. 35].

4. *Человеческое достоинство как матрица для развертывания потенциала отдельного человека и человечества в целом. Матрица потенциала, заложенного в достоинстве, предполагает связь достоинства, с одной стороны, со способностями и возможностями человека, с другой стороны, с генетическим даром человека, на который могут оказывать воздействие новые технологии.* Допустим, достоинство мы рассматриваем как некую матрицу человеческих качеств, способностей и возможностей, только в потенциале заложенных в человеке. В этом случае право и права человека должны иметь значимую дифференциацию и различного рода гарантии (социальные, юридические), что ведет к усилению *эффекта гарантирующего расслоения эгалитарного универсализма достоинства*. Генетически в зародыше человека уже заложена способность к развитию достоинства и развертыванию потенциала в полном смысле этого слова — такой позиции придерживается Ф. Фукуяма (Francis Fukuyama). Он считает, что «каждый член человеческого рода обладает генетическим даром, который позволяет ему или ей стать целым человеком, даром, который отличает человека по существу от других типов существ» [23,

р. 171]. Однако если человек, в силу природных особенностей обладая качествами развивающейся личности, в полной мере не может реализовать свой генетически обусловленный потенциал, страдает ли его достоинство? Умалется ли оно? Достоинство как потенциал предполагает исходной точкой утверждение, что каждый человек уже в силу факта рождения участвует в реализации человеческого достоинства. Каждый человек является носителем достоинства как «индивидуального потенциала» и как «потенциала человеческого рода». Проблема для юриспруденции и судебной практики заключается в том, что потенциал (как реализованный, так и нет) невозможно оценить в правовых терминах и категориях. Наиболее вероятной формой такой оценки может выступать балансирующая роль человеческого достоинства в оценке допустимости, необходимости и правомерности ограничений тех или иных прав; целеполагание потенциала достоинства всегда необходимо принимать во внимание. Иначе говоря, в какой степени имеющиеся ограничения или содержательные характеристики прав человека (отдельного права) согласуются с целью развития и реализации человеческого достоинства как потенциала? Взгляды Марты Нуссбаум о первостепенной важности идеи человеческого достоинства показывают некоторый оптимизм [24, р. 351–352], когда она заявляет о взаимосвязи реализации достоинства (достоинств в категориях возможностей и способностей) и достойных, гуманных условий человеческой жизни. Таким образом, к достоинству лучше подходить не только как к дару, полнота его реализации в данном понимании может быть *ограничена биосоматическими возможностями человека* (инвалида, человека, оказавшегося в коме и др.). В достоинстве необходимо видеть важную для человеческой личности сердцевину, а также уязвимое (и в этом смысле хрупкое) *нематериальное благо индивида и человечества в целом*. В таком нематериальном благе заключена генетически заложенная возможность расцвета и улучшения человека и человечества.

Критический рационализм, экзистенциальные и юридические формы сосуществования человеческого достоинства и прав человека

Критический рационализм — широко распространенный подход в исследованиях человеческого достоинства и различных сферах его применения в контексте прав человека, биотехнологий, государственных гарантий и международных обязательств по вопросам обеспечения и защиты, уважения человеческого достоинства. В современных правовых исследованиях отстаивается правовая концепция человеческого достоинства на основе критического осмысления философских и правовых подходов [25, р. 57]. Однако насколько нормативной может быть концепция человеческого достоинства? На первый взгляд, нормативизм в меньшей степени применим к достоинству, нежели к правам человека. Представление о целостности достоинства, облеченного в правовые формы, не может игнорировать тот факт, что право само обладает определенной целостностью. В понимании целостности достоинства присутствует *нормативизм двух видов*. Во-первых, *моральная нормативность достоинства*, которая выражается в существовании моральных прав человека на достоинство. Во-вторых, *юридическая нормативность достоинства*, которая не ограничивается только одним пониманием, но в основе его лежит пред-

ставление о существовании юридических прав человека на достоинство. Моральные права человека на достоинство проистекают из господствующей в обществе этики; они имеют предправовой или доправовой характер, связанный с моральным статусом человека. Такие моральные права в современных государствах, как правило, *сосуществуют* с юридическими правами на достоинство, но их (моральных прав) нарушение не вызывает юридических последствий, в отношении подобных нарушений не могут быть использованы средства правовой защиты, но причиняемый нарушением моральный ущерб может иметь важное значение и вызывать моральное осуждение. Юридические права на достоинство не только имеют правовой статус на международном и внутригосударственном уровне, но и подлежат защите юридическими и судебными средствами (например, защите в рамках конституционного судопроизводства согласно ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, или в рамках гражданского судопроизводства на основании ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»).

Кэтрин Дюпре (Catherine Dupré), рассуждая о достоинстве и его возвышении в XXI в., полагает, что оно (достоинство) теперь, похоже, стало глобальной концепцией, укоренившейся в кодифицированных конституциях и расцветшей на плодородной почве вынесения судебного решения по правам человека [26, р. 1–3]. Правовые формы человеческого достоинства в современном конституционализме разнообразны, к ним относятся: 1) принцип уважения человеческого достоинства на национальном, наднациональном и международном уровне; 2) принцип охраны и защиты человеческого достоинства как высшей конституционной ценности; 3) принцип обеспечения человеческого достоинства в различных сферах реализации прав и свобод личности; 4) достоинство как принцип балансирования в вопросах защиты и ограничений прав и свобод личности; 5) достоинство как субъективное конституционное право с самостоятельной, хотя и сложно верифицируемой областью правомочий.

Человеческое достоинство взаимосвязано нормативным содержанием с правами человека, которые могут иметь позитивный или негативный характер. Что нам дает нормативное содержание прав человека и их деление на негативные и позитивные для понимания природы человеческого достоинства? Негативные права — это права, которым нельзя препятствовать при осуществлении лицом своей свободы; позитивные права — это права, которые необходимо поддерживать при осуществлении или развитии человеком своих способностей. Различия между негативными и позитивными правами оспариваются с концептуальной позиции и по моральным основаниям, так как они не могут быть признаны безупречными и последовательными [27, р. 33, 34–38]. Однако для осмысления нормативного содержания достоинства эти различия не лишены смысла. Негативные права призваны защищать негативную свободу человека и гражданина, в то время как позитивные права содействуют развитию способностей людей, утверждает Маркус Дювэль [16, р. 226]. Достоинство как потенциал и достоинство как способности осуществляются в течение всей жизни лица через процесс постепенного развертывания и самоопределения. Однако юридическая (в том числе судебная) защита негативных прав (как и позитивных) требует правовой активности, использование активных мер по их обеспечению (суды, правозащитные организации, политические институты и др.). Следовательно, два вида прав (негативные и позитивные) комбини-

руют юридические возможности; хотя между ними существуют принципиальные различия в формулировке изначальной природы, различия эти стираются, когда речь заходит об активных мерах по их защите и обеспечению. В такой же степени и защита человеческого достоинства и его реализация через способности человека требуют в значительно большей степени позитивных действий как со стороны лица, так и со стороны государства в части проведения необходимой публичной политики по поддержанию уровня гарантий прав, особенно в социальной и экономической сферах.

Естественное-правовое понимание прав человека связано с определенным отношением к человеческому достоинству. Для представителей естественного права достоинство имеет прирожденный характер. В соответствии с этим, учитывая, что естественные человеческие способности, обусловленные разумом и свободой, требуют некоторых условий, обеспечивающих достойную жизнь человека, основополагающее значение достоинства человека состоит в том, чтобы выступать центральным звеном и центральной, интегрирующей ценностью для публичной политики в области прав человека и социального благополучия.

По мнению исследователей, ориентированных на международную юриспруденцию прав человека, которая во многих актах указывает на связь достоинства как основания и источника прав человека, достоинство человеческой личности находится «под защитой прав человека». Основными благами человеческой природы являются блага разумного существа — существа, которое, если только оно не ослаблено, естественным образом развивает и тренирует способности для размышлений, суждений и выбора. Такие способности, по мнению одних, похожи на возможности Бога, хотя, конечно, и ограничены. По мнению других, человеческие способности креативны, реализуя их, человек создает новые институты и ценности, продолжая линию Божественного творения. Так, Роберт Питер Джордж (Robert Peter George), профессор юриспруденции Маккормика в Принстонском университете, полагает, что именно это подразумевается под необычайно загадочным библейским учением о том, что человек создан по образу и подобию Божьему: «...человек обладает силой, традиционно приписываемой божественности» [28, р. 63]. Юридическая функция человеческого достоинства заключается в том, как оно взаимодействует с правами человека. 1) Достоинство может рассматриваться как основание, но не синоним прав человека; в этом случае права человека являются гуманитарными и юридическими императивами, вытекающими из достоинства личности. 2) Достоинство превращается, благодаря конституционным и правовым формам, в основное субъективное право человека, и в этом случае оно возглавляет каталог личных (гражданских) прав и свобод или, шире, становится центром в системе основных прав и свобод. Только конституционный статус права на достоинство превращает последнее в основное и ведущее право или высшую конституционную ценность. 3) Достоинство может рассматриваться как конечная цель правового регулирования в правовой системе персонцентристского характера или в естественно-правовом понимании, стремящемся человека поставить на место творца и центра правовой системы. 4) Достоинство выполняет важную интегративную функцию по отношению к правам человека, создает качество целостности самой системе прав человека и человеческим возможностям.

Существует представление о том, что в достоинстве человека нет ничего такого, чего бы не было в правах человека; этот аргумент служит для объяснения того факта, что декларации прав и первые конституции обходились без явного закрепления достоинства в конституционно-правовых формах. Между тем современные юридические формы достоинства, особенно в современном конституционализме и международной юриспруденции прав человека, стремятся обеспечить целостность возможностей и прав человека, центрируя многие основания равноправия вокруг человеческого достоинства.

Литература

1. Düwell, M., Braarvig, J., Brownsword, R. and Mieth, D. (eds) (2014), *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*, Cambridge: Cambridge University Press.
2. Кравец, И. А. (2022), Конституционное право на охрану достоинства: механизм конституционализации и практика конституционного правосудия. *Российская юстиция*, № 5, с. 35–44.
3. Кравец, И. А. (2022), Существование человеческого достоинства и прав человека. *Вопросы философии*, № 10, с. 56–64.
4. Dworkin, R. (2011), *Justice for Hedgehogs*, Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press.
5. Waldron, J. and Dan-Cohen, M. (2012), *Dignity, Rank, and Rights*, ed. by Dan-Cohen M., New York: Oxford University Press, Oxford Scholarship Online, 2013. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199915439.001.0001>
6. Waldron, J. (2007), Dignity and Rank: In memory of Gregory Vlastos (1907–1991), *European Journal of Sociology / Archives Européennes De Sociologie / Europäisches Archiv Für Soziologie*, vol. 48, no. 2, pp. 201–237. <https://doi.org/10.1017/S0003975607000343>
7. Sieh, E. and McGregor, J. (eds) (2017), *Human Dignity. Establishing Worth and Seeking Solutions*, Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-56005-6>
8. Khaitan, T. (2012), Dignity as an Expressive Norm: Neither Vacuous Nor a Panacea, *Oxford Journal of Legal Studies*, vol. 32, no. 1, pp. 1–19.
9. Miller, S. C. (2017), Reconsidering Dignity Relationally, *Ethics and Social Welfare*, vol. 11, no. 2, pp. 108–121. <https://doi.org/10.1080/17496535.2017.1318411>
10. Besson, S. (2011), Human rights and democracy in a global context: decoupling and recoupling, *Ethics & Global Politics*, vol. 4, no. 1, pp. 19–50. <https://doi.org/10.3402/egp.v4i1.6348>
11. Habermas, J. (1995), On the Internal Relation between the Rule of Law and Democracy, *European Journal of Philosophy*, vol. 3, pp. 12–20. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0378.1995.tb00036.x>
12. Dworkin, R. (1995), Constitutionalism and Democracy, *European Journal of Philosophy*, vol. 3, pp. 2–11. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0378.1995.tb00035.x>
13. Benhabib, S. (2007), Twilight of Sovereignty or the Emergence of Cosmopolitan Norms? Rethinking Citizenship in Volatile Times, *Citizenship Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 19–36. <https://doi.org/10.1080/13621020601099807>
14. Kolnai, A. (1976), Dignity, *Philosophy*, vol. 51, no. 197, pp. 251–271.
15. Mahlmann, M. (2012), Human Dignity and Autonomy in Modern Constitutional Orders, in: Rosenfeld, M. and Sajó, A. (eds), *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*, Oxford: Oxford University Press, pp. 371–396. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199578610.013.0020>
16. Düwell, M. (2011), Human Dignity and Human Rights, in: Kaufmann P. et al. (eds) *Humiliation, Degradation, Dehumanization*, Springer, pp. 215–230. https://doi.org/10.1007/978-90-481-9661-6_15
17. Waldron, J. (2012), How Law Protects Dignity, *The Cambridge Law Journal*, vol. 71, no. 1, pp. 200–222. <https://doi.org/10.1017/S0008197312000256>
18. Кравец, И. А. (2021), Dignitatis Humanae: современные концепции, проблема целостности в философской и правовой экзистенции и использования в конституционализме, *Журнал российского права*, т. 25, № 1, с. 89–110.
19. Lee, P. and George, R. P. (2008), The nature and basis of human dignity, in: *Human dignity and bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics*, Washington, pp. 409–433.

20. Кравец, И. А. (2021), *Dignitatis Humanae: философско-правовые, международные, конституционные и экзистенциальные аспекты*, *Государство и право*, № 2, с. 26–39.
21. Habermas, J. (2010), The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights, *Metaphilosophy*, vol. 41, no. 4, pp. 464–480.
22. Claassen, R. (2014), Human dignity in the capability approach, in: Düwell, M., Braarvig, J., Brownsword, R. and Mieth, D. (eds), *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 240–249.
23. Fukuyama, F. (2002), *Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution*, New York: Farrar, Straus and Giroux.
24. Nussbaum, M. (2008), Human Dignity and Political Entitlements, in: *Human Dignity and Bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics*, Washington, pp. 351–380.
25. McManus, M. (2019), A critical legal conception of human dignity, *Journal of Human Rights*, vol. 18, no. 1, pp. 57–75. <https://doi.org/10.1080/14754835.2018.1544485>
26. Dupré, C. (2016), *The Age of Dignity: Human Rights and Constitutionalism in Europe*. Bloomsbury Publishing.
27. Gewirth, A. (1996), *Community of rights*, Chicago, Chicago University Press.
28. George, R. (2017), Natural Law, God and Human Dignity, in: Duke, G. and George, R. (eds), *The Cambridge Companion to Natural Law Jurisprudence* (Cambridge Companions to Law), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 57–75. <https://doi.org/10.1017/9781316341544.003>

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2020 г.;
рекомендована к печати 15 апреля 2023 г.

Контактная информация:

Кравец Игорь Александрович — д-р юрид. наук, проф.; kravigor@gmail.com

Dignitatis Humanae* and Human Rights in Philosophical and Legal Existence and in Contemporary Constitutionalism: Division and Reunification

I. A. Kravets

Novosibirsk State University,
1, ul. Pirogova, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

For citation: Kravets I. A. *Dignitatis Humanae* and Human Rights in Philosophical and Legal Existence and in Contemporary Constitutionalism: Division and Reunification. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 3, pp. 445–461. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.304> (In Russian)

The article analyzes the concept of “human dignity” in the context of philosophical and legal existence; scientific and philosophical identification of dignity as a polysemantic concept allows us to state its universal value and consider it as a universal legal and ethical category. The research work reveals the views of modern philosophers and lawyers on the nature and role of dignity in relation to human rights. The aim is to study the philosophical foundations and legal aspects of human dignity, to highlight the conceptual foundations of dialogue and the co-existence of human dignity and human rights in modern philosophical and legal discussions. The polysemy and polymorphism of human dignity is combined with a wealth of concepts of dignity, especially in modern constitutional jurisprudence and the practice of constitutionalism, and a unified theoretical basis for the relationship between individual dignity and human

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-011-00761 A.

rights. The author used general and specific research methods, including methods of dialectics, inductive-deductive analysis, legal hermeneutics and legal engineering and a discursive approach, critical rationalism, and legal realism. Conclusions: dignity as a philosophical and legal category in modern discussions has several of the most important hypostases, reflecting the fundamental categorical meaning: a) the category of ethics and humanistic understanding of man; b) a legal category with a significant variety of legal forms of consolidation at the international, supranational and domestic levels, in the branches of legal regulation; c) a historically changeable category, affecting both the evolution of ethics and law, the legal status of individuals. The article proposes four approaches to the relationship between human rights and human dignity, which are based on four concepts of human dignity: 1) dignity as a gift and heritage; 2) dignity as a social achievement and social honor; 3) dignity as human capacity; 4) dignity as human potential.

Keywords: *Dignitatis Humanae*, human dignity, human rights, legal existence, ethics of dignity, supreme or universal value, foundation of human rights, polymorphism, constitutionalization of dignity, integrity.

References

1. Düwell, M., Braarvig, J., Brownsword, R. and Mieth, D. (eds) (2014), *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*, Cambridge: Cambridge University Press.
2. Kravets, I. A. (2022), The constitutional right to the safeguard of dignity: the mechanism of constitutionalization and the practice of constitutional justice, *Rossiiskaia iustitsiia*, no. 5, pp. 35–44. (In Russian)
3. Kravets, I. A. (2022), The Coexistence of Human Dignity and Human Rights, *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 56–64. (In Russian)
4. Dworkin, R. (2011), *Justice for Hedgehogs*, Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press.
5. Waldron, J. and Dan-Cohen, M. (2012), *Dignity, Rank, and Rights*, ed. by Dan-Cohen M., New York: Oxford University Press, Oxford Scholarship Online, 2013. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199915439.001.0001>
6. Waldron, J. (2007), Dignity and Rank: In memory of Gregory Vlastos (1907–1991), *European Journal of Sociology / Archives Européennes De Sociologie / Europäisches Archiv Für Soziologie*, vol. 48, no. 2, pp. 201–237. <https://doi.org/10.1017/S0003975607000343>
7. Sieh, E. and McGregor, J. (eds) (2017), *Human Dignity. Establishing Worth and Seeking Solutions*, Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-56005-6>
8. Khaitan, T. (2012), Dignity as an Expressive Norm: Neither Vacuous Nor a Panacea, *Oxford Journal of Legal Studies*, vol. 32, no. 1, pp. 1–19.
9. Miller, S. C. (2017), Reconsidering Dignity Relationally, *Ethics and Social Welfare*, vol. 11, no. 2, pp. 108–121. <https://doi.org/10.1080/17496535.2017.1318411>
10. Besson, S. (2011), Human rights and democracy in a global context: decoupling and recoupling, *Ethics & Global Politics*, vol. 4, no. 1, pp. 19–50. <https://doi.org/10.3402/egp.v4i1.6348>
11. Habermas, J. (1995), On the Internal Relation between the Rule of Law and Democracy, *European Journal of Philosophy*, vol. 3, pp. 12–20. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0378.1995.tb00036.x>
12. Dworkin, R. (1995), Constitutionalism and Democracy, *European Journal of Philosophy*, vol. 3, pp. 2–11. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0378.1995.tb00035.x>
13. Benhabib, S. (2007), Twilight of Sovereignty or the Emergence of Cosmopolitan Norms? Rethinking Citizenship in Volatile Times, *Citizenship Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 19–36. <https://doi.org/10.1080/13621020601099807>
14. Kolnai, A. (1976), Dignity, *Philosophy*, vol. 51, no. 197, pp. 251–271.
15. Mahlmann, M. (2012), Human Dignity and Autonomy in Modern Constitutional Orders, in: Rosenfeld, M. and Sajó, A. (eds), *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*, Oxford: Oxford University Press, pp. 371–396. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199578610.013.0020>
16. Düwell, M. (2011), Human Dignity and Human Rights, in: Kaufmann P. et al. (eds) *Humiliation, Degradation, Dehumanization*, Springer, pp. 215–230. https://doi.org/10.1007/978-90-481-9661-6_15

17. Waldron, J. (2012), How Law Protects Dignity, *The Cambridge Law Journal*, vol. 71, no. 1, pp. 200–222. <https://doi.org/10.1017/S0008197312000256>
18. Kravets, I. A. (2021), Dignitatis Humanae: modern theories, the problem of integrity for philosophical and legal existence and use by constitutionalism, *Zhurnal rossiiskogo prava*, vol. 25, no. 1, pp. 89–110. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.009> (In Russian)
19. Lee, P. and George, R. P. (2008), The nature and basis of human dignity, in: *Human dignity and bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics*, Washington, D. C., pp. 409–433.
20. Kravets, I. A. (2021), Dignitatis Humanae: philosophical-legal, international, constitutional and existential aspects, *Gosudarstvo i parvo*, no. 2, pp. 26–39. (In Russian)
21. Habermas, J. (2010), The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights, *Metaphilosophy*, vol. 41, no. 4, pp. 464–480.
22. Claassen, R. (2014), Human dignity in the capability approach, in: Düwell, M., Braarvig, J., Brownsword, R. and Mieth, D. (eds), *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 240–249.
23. Fukuyama, F. (2002), *Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution*, New York: Farrar, Straus and Giroux.
24. Nussbaum, M. (2008), Human Dignity and Political Entitlements, in: *Human Dignity and Bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics*, Washington, pp. 351–380.
25. McManus, M. (2019), A critical legal conception of human dignity, *Journal of Human Rights*, vol. 18, no. 1, pp. 57–75. <https://doi.org/10.1080/14754835.2018.1544485>
26. Dupré, C. (2016), *The Age of Dignity: Human Rights and Constitutionalism in Europe*. Bloomsbury Publishing.
27. Gewirth, A. (1996), *Community of rights*, Chicago, Chicago University Press.
28. George, R. (2017), Natural Law, God and Human Dignity, in: Duke, G. and George, R. (eds), *The Cambridge Companion to Natural Law Jurisprudence* (Cambridge Companions to Law), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 57–75. <https://doi.org/10.1017/9781316341544.003>

Received: September 13, 2020

Accepted: April 15, 2023

Author's information:

Igor A. Kravets — Dr. Sci. in Law, Professor; kravigor@gmail.com